

Сказка про Илью

В некотором царстве, в некотором государстве живал-бывал сар. У него ни сына, ни дочь. Джэ бога просит, приклады прикладыват, молебны служит: «Дай, бог, сына или дочь — при младости на утёху, при старости на замену и при смертном часу на помин душу!»

Джэ жили-жили. У него жена стала в интересном положении. Нни-часы исполнились, стала мучаться, мучалась двенадцать суток, и эти двенадцать суток громы грэмэли, молоньи сверкали и було жемлетрясение. Как двенадцать суток исполнилось, родился мальчик. Вжяли его, окрестили, по имони дали Ильюшенька. Дэ жили-жили — год прошел, другой, и трэччий прошел. Исполнилось двенадцать лет, а этот Ильюшенька с уруна не встает, ходить не может.

Джэ об онну пору пошли они, сар со сарицей, гулять. Вдруг к нему зашли двое, оба странники. «Ну что, Ильюшенька, ми (к) чибе пришли, дай к нам милостыньку». — «Эй, — говорит, — рад я вас поить, накормить, — даже с уруна встать не могу». — «Ну как-нибудь спуштите и нас папои-накорми!» — «У меня даже сила нету. А вот, — говорит, — сколько угонно пища есть, пейте-ешьте все готовое». — «Нет, — говорит, — ми своими руками не станем распорядяться, ти стань да нас напои-накорми». — «Я вам, — говорит, — говорю, что у меня сила нету». Они вжяли друг на друга посмотрелись сами собой и черпнули ему полстакана воду, и подают ему. Подают к нему полстакана воду, он как эту воду выпыл, почувствовал силу и с уруна спуштился, к нима разоставил всяка разна закуски, всяка разна напитки: «Пейте-кушайте сколько угонно!» Они вжяли ровно с вишеринку, по онному кушку отломили, в рот засунули шибе, а напитками не запивали. Он отвечает: «Кушайте, гости!» — «Нет, нам, — говорит, — довольно. А только у чибя вжяли по оному вишеринку». Вжяли они вишли.

Этот Ильюша позадь их вишол, где они ушли — очес-мать гулять, пошел за нима. Сарица отвечает: «Ласно, наш Ильюшка идет». Сар отвечает: «Может ли быть, чтоб наш Ильюшка шел, когда двенадцать лет он не мог ходить?» — «Нет, — говорит, — ласно, наш Ильюшка идет!» Царь говорит: «Ласно, наш Ильюшка». Пришел в оссу-матери в сад. Сар сказал: «Как ты пришел?» — «Да уж сам, — говорит, — не знаю, а только позадь вас, ви ушли, приходили два странника, дали мне полстакана воды, как будто с того и

случилось: я почувствовал (в) шибе силу».

Сар встает (с) страдостью, созывает бал — вшех своих княжей, бояр, думных сенаторей и приближенных министров. Джэ шидели-шидели с той страдостью. Вечер стал — люди разошлись. Ильюшенька оссу-матери: «Дайте благословение пояхать: добрых людей посмотреть, сам себя показать». Очес отдает лошадь, отдает саблю и лук, и стрелы: «Ну, — говорит, — мое дитяtko, не проливай кровь христианскую, проливай кровь басурманскую!»

Джэ пояхал. Едет. Яхал-яхал, вдруг видит — стоит шачор, ходят два лошади, пьют воду мединную, едят шено белоярово. За столбик лошадь свою связал, воходит к нема в шачор. Шпят два богатыря. Вишел назадъ, лошадь свою отпустил, вошел, к онному лег в палистенку. Спали-спали. Один утром (в)стал, вишел на двор, приходит и стал будить своего товарища: «(В)стань, — говорит, — ты не знашь, не ведашь: какой-то прияхал богатыр, наших лошадей его лошадь поганила, его лошадь пьет воду мединную, ест шено белоярово, а наши лошади из моро воду пьют, дак траву едят». — «Э, вот, — говорит, — ведь он спит!» — один сказал. Вжяли его с палистенку, брошили наземь: «Такой, — говорят, — невежа, безо вшыкого позволения лежишься на чужую ложу!» — «Домашние хожяева, — говорит, — давайте воду омуться». — «Ми чибе еще будем воду подовать!» — говорят. Один отвечает: «Виходи на улицу, будем воеваться!» Он отвечает: «Ви какие люди?» — «А ти, — говорят, — зачем спрашивашь?» — «Нет, — говорит, — мне надо узнать». — «Если ти хочешь узнать, то ми два сарские сына». — «Два если сарские сына, очес, — говорит, — дал благословение, что не проливай кровь христианскую, а проливай кровь басурманскую. Как же я с вами буду воевать?»

Вжяли они оба его виброшили на улицу. Он так, Ильюшеньке показалось за досаду за немалую, за досаду великую. Видергивает свой тугой лук и калену стрэлу, стрэляет во мать во сиру землю. Стали громы грэметь, молоньи сверкать, стало жемлетрясеньё. Ну, один сказал: «Что вот ти на войну напирал, а он стрэлой штрэлил, да то случилось, а он би нас убил».

«Ну, — говорят, — что, Ильюшенька, вот ми воюем со Соловьем-разбойником, да состоять не можем». — «Где он, Соловей-разбойник?» — «Ми виезжаем (к) Соловью-разбойнику на поединок, а Соловей-разбойник швистнет, а ми сразу улетаем на сто верст. А ти как будешь, с нами идешь (на) пару воевать?» — «Если Соловей-разбойник не православный, то обязательно иду». — «Конесно, — говорят, — он не православный. Ну-тко

пояхали (к) Соловьё-разбойнику!»

Увидели — едет Соловей-разбойник. Соловей-разбойник едет. Соловей-разбойник швистнул — оба они на сто верст улетели. Он, Ильюшенька, как яхал, так и едет. Как ражъяхался (к) Соловьё-разбойнику, видергивает свой тугой лук и калену стрэлу и стрэляет во мать во сиру жемлю — громы стали грэметь, молонья сверкать и стало жемлетрясеньё. Соловей-разбойник с того с испугу (в)низ упал. Ильюшенька как ражъяхался и Соловьё-разбойника хвачил живком, и на лошадь привязал в торока. Джэ едут.

Воротился назадъ — лежат товарищи без чувства. Стал с нима отваживаться. Отваживался-отваживался — отводился. Отдохнули. «Ну-тко, — говорит, — таперя поедемте, таперя поедемте, агде ваше сарство».

Джэ Соловьё-разбойника вежет. Соловьё-разбойника привеж. Сарские сыновья сказали: «Этот Ильюшенька нас от Соловьё-разбойника спас». Ну ланно. На это сар сказал: «Он если вас избавил от Соловьё-разбойника, то, значит, я за него даю дочь свою замуж». И женился.

Джэ жил, жил, жил. Вдруг об онну пору говорит: «Я поеду прогуляюся». Жену свою оставил. Яхал-яхал, вдруг видит — чего-то блестит. Подъяхал — гора. Гора вша золотая. Стал на эту гору попадать, поподавал-поподавал и попал. И пояхал по этой горе. Вдруг нашел тропиночку. Поганил эту тропиночку, что куда пошла эта тропиночка. Поглубже, поглубже, поглубже, и стала такой глубокой, в человечесий рост. И едет по этой тропинке. Вдруг видит — по этой тропинке к нему катится гора. Как к нему ближе подкатилась эта гора, он расчувствовался — человек! Как к нему подъяхал, этот человек Ильюшеньку поймал и с лошадыю, со вшем в карман положил.

Он вжял в кармане его внутри бултыхался, видернул с кармана перочинный ножик и стал карман резать. Карман отрезал и випал. Тот, значит, в карман поворотился, стал искать в кармане табакэрку. Табакэрка не тут-то була. Воротился назадъ. Нашел этого Ильюшеньку — сидит у табакэрки. «Что, Ильюша, зачем мою табакэрку вжял?» — «А я, — говорит, — у чибя не вжял. Когда ти меня с лошадыю, со вшем положил в карман, а я випал, и

табакэрка випала». — «А ты, — говорит, — зачем у табакэрки сидишь?» — «А я, — говорит, — его открываю, да отпереть не могу». — «Ну, — говорит, — Ильюшенька, побратаемся. Будем как два брата и поставим шачор, и будем ночевать». Поставили шачор. «А ти, — говорит, — меня узнал, Ильюшенька?» — «А чибя, — говорит, — как звать?» — «Меня, — говорит, — по имони Шветогор-богатыр» . — «А ти куды ездидь?» — «Я, — говорит, — по швету никуды не ежду, только по этой золотой горе хожу, больше меня сира земля не подымает». Ланно. Шветогор-богатыр вошел в шачор, разоставил вшыка разна закуски, вшыка разна напитки. «Н, Ильюшенька, — говорит, — кушай сколько угонно».

Джэ сидели. Посидели-посидели. Вдруг ражъяхался старычок. Ильюшенька выскакивает: «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй, Ильюшенька. Что, Ильюшенька, делаешь, хто у чибя в шатре сидит?» — «А сидит, — говорит, — Шветогор-богатыр». Ланно. Джэ воходит старык в шачор: «Здравствуй, Шветогор-богатыр!» — «Здравствуй, старык». Шветогор-богатыр говорит: «Что, дедушко, за какой надобностью прияхал сюда?» — «А вот, — говорит, — только вас посмотреть: как ви живете и какую имеете силу в шебе, (к)то есть, как есть Шветогор-богатыр». — «А я, — говорит, — дедушко, вот какую силу имею: каби утвержденное було кольцо, я би вшы би жемлю перевернул!» — «А вот, — говорит, старычок головкой покачал, — ну таперя не так говоришь, подальше вот лежат мои перметы, эти перметы принеси сюды». Шветогор-богатыр вишол. «Ой, дедушко, — говорит, — их можно онним мизинчиком принести». — «Ланно, — говорит, — принеси». Пошел. Стал их эти поннимать перметы, даже нашилу их поннял, еле-еле, «Ой, дедушко, — говорит, — какая этакая тягость у чибя?» — «А вот, — говорит, — ти хвастаешь вшы жемлю поннять, а вшего трэччью час(ть) понял жемли». Ланно. Джэ как это слово сказал, старычок без вести потерялся.

Шветогор-богатыр и Ильюшенька пошидели и поразговаривали то и другое, вдруг слышат — человек чешот дрова. « Это, — говорит, — что такое, Ильюша, что удивительно? Я первый раз слушаю». — «Это, — говорит, — по-нашему чешут дрова». — « Ми, — говорит, — пойдём на эту стукотню, посмотрим, как чешут дрова».

Джэ пошли. Шли, шли, вдруг видят — стоит гробница. « Ильюшенька, хто он такой?» — «Это, — говорит, — гробница». — «Она, — говорит, — для чего?» — «Это, — говорит, — значит, помирают люди, эта кладут». — «О, боже милостивый, не может быть, чтобы человек помер!» — «Как эдак у нас бывает», — Ильюшенька отвечает. « Ну ешли ти так говоришь, а попробуй,

— говорит, — ти ляг на эту гробницу». Ильюшенька ляг — совсем большая и совсем широкая. «Ну-ка, — говорит, — таперя я лягу, посмотрю, как бывает». Светогор-богатыр ляг. «Нужно, — говорит, — как раз, как тут и было». (В) самый [раз] на нем сделанная. «Ну-тко, — говорит, — закрой крышкой». Крышей закрыл. «Ну, — говорит, — Ильюшенька, мне очень душно стало, открывай крышу». Ильюшенька стал тянуть — никуда не идет, не отдирается. «Тяни, — говорит, — сильнее!» Ну нету — не может, не отнимается. Вдруг железный обруч наскочил. Так да так, до двенадцати обручей — вше железные наскочили.

«Ну, Ильюша, — говорит, — я, винно, умер, против моего роту вируйте диру: пойдет пена черная, ти это отгребай, эту как отгребешь, потом пойдет пена белая, от этой от белой пены трэччю час(ть) стакана випей. А ешли полстакана випьешь, то с моей горы никуды не уедешь». Ланно. Джэ против его рота вирубил диру — пошла пена черная. Он стал его отгребать. Отгребал, отгребал. Потом пошла белая. От этой белой пены выпыл трэччю час(ть). Как эта белая пена перестала идти, как под самой этой гробницей учутилась могила. И сразу эта гробница шяла в могылу. И могила покрылась.

Пояхал Ильюша с горы. Как с этой горы спустился, так и его конь по колено в жемлю спустился. Яхал, яхал, яхал. Где его жена була, прияхал под город.

В этом городу как раз прияхал Идол Поганый и шделал лабаз, и сидит на лабазу, и этих двух сарских сыновей убил. И этот Идол Поганый просит сарскую дочь шибе на жены, а сар не дает. А у сара ест каждый день по лошаде и по человеку.

Ильюшенька говорит: «Я пойду к нему, где он сидит на лабазу, посмотрю на Идола Поганово». Идет к Идолу Поганому Ильюшенька. «А, здравствуй, Ильюшенька!» — «Здравствуй, Идол Поганый! Ну что же, Идол Поганый, чего ти прияхал суды?» — «А я, — говорит, — прияхал: сватаю у сара дочь». — «А как он, — говорит, — чибе дает али как?» — «Ну, — говорит, — день дает, и день не дает совшем». — «А ти много ли хлеба кушаешь?» — «Я, — говорит, — каждый день ем по лошади да по человеку». — «А ти, — говорит, — огалдашь, так и жену шьешь?» И он говорит: «Не буду, — широк в перьях!» — «А меня сар послал тебя покормить мною, меня поешь». — «Увжа, увжа, — говорит, — я еще таперя сытой, потом стану».

Ильюшенька стал по калиновому мосту похаживать — калинов мост(т) поскрипывает. «А чего, — говорит, — Идолище Поганое, у чебя какой тут костылек стоит?» — «А вот, — говорит, — у сара бул сын, его имо Великан, это он меня костыльком подарил». — «А какво было би тебя этим костыльком стегнуть?» — говорит Ильюша. «Шмеешь ли ти меня пошевелеть?» Ильюша хватил этот костылек, стегнул его по голове — и голова отлетела. Джэ убил.

Джэ пришел домой. « Ну, — говорит, — таперя мне надо яхать, агде мать-очес були, надо яхать со женой». Джэ пояхал со женой. (К) оссу-матери прияхал. Очес-мать обрадовались: сын вернулся, сын прияхал со женой, и так соштарылись.

Они с той стороны [?] стали молиться богу. Как поклонились, и обе умерли, мат и очес.

Ильюша сел на отцовское сарство, и стали жить, так быть, да поживат(ь) до таперя.

(Записал Н. А. Габышев 14.04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.